

ЦЫГАН

Говорят, он цыган.
Голова его – профиль быка:
ухом вбирает он шелест и запах травы,
глядит вперёд и назад
роговым взглядом,
зубы его золотые гудят как шмели
в набухших бутонах дёсен,
скалистые губы бескровно бликуют –
так ошлифованы ветром.
У, прислушайся...
Вольная песня гудит
в густой пустоте переносицы,
будто блестящий отвес
и ведёт его,
и ведёт.
Вот он шуруется
на худую струну горизонта.
Вот сжимает пружину момента
в длинную гулкую паузу.
Вот бьёт по ней кремёнь зрачка –
и на вдохе растёт, балансируя,
ослеплённый дрожащий тугой
огнедышащий мир.

ХАМЕЛЕОН

Холодный сдвиг хамелеона
застывает бильярдным шаром,
выжидая такой поворот огня,
такой остроты вязкость –
что и ствол налился зелёной
сладкой слюдой от жара
(с тиком замершего), отгоняя
желтеющий кий луча из тени, где догорает яство.
Вот-вот опрокинется ствол из разинутой морды,
разорвется суконный воздух тугой лебёдкой...
Я и сам ощущаю клоповный запах и жую черепички хитина.

Но и во рту у себя перекатываюсь наполовину мёртвый.
Но и весь цепенею под небом сухой вертикальной глоткой,
забирая прохладную влагу. И тут же очнусь внезапно
острой цаплей о шар бильярдный – в лузу летящий – белый, зеленый, синий.

НА ПУТИ ДАВИДА

Уми, чтобы к смерти меня привести –
начни от блаженства, блаженный –
пусти благодарные струны в пути.
Гори, фитилёк несожженный.

Приди мою душу утешить. Пряду
я душу твою за свечой – не задуть
свечения внутренним ветром
от пряжи твоей соответной.

И скорби восходят как сорная плеть
по углам и слезами горюют –
горят и слезают. Но разве посметь?
Сейчас подхвачу, не заканчивай петь –
вот пыль только бедную сдую.

Не тако, не тако, но яко... Но я
исполнился влагой значенья,
как будто поверил, что мне устоять
в собрании праведных. Пряжа моя
неровна, но светится в ней – как струя
родниковая в камнях – песня твоя,
молитва во тьме попеченья.

И да, это вечное да – мне прощенье.
И я умираю творя.